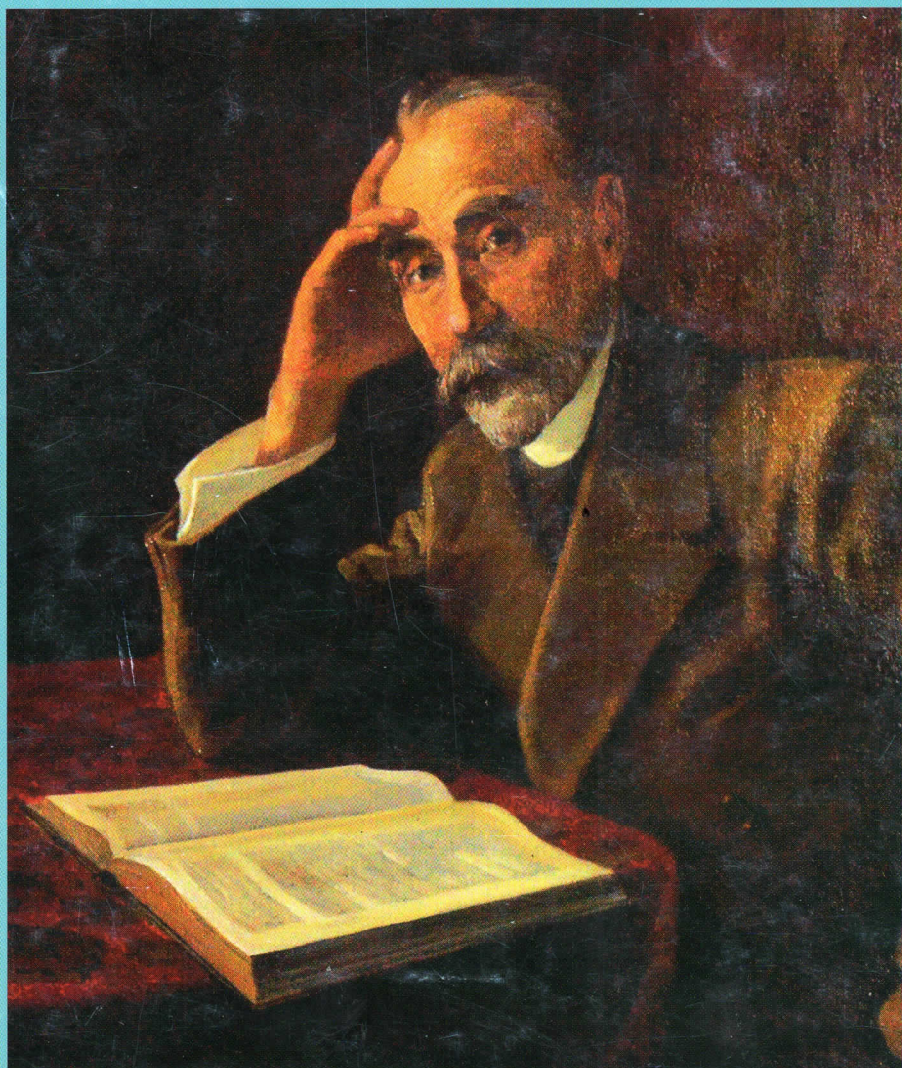

ISSN 0869-6322

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№6 2006

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2006

№ 6

Выходит 6 номеров в год

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В НОМЕРЕ:

**К 150-летию
со дня рождения
Г.В.Плеханова**

Письма Г.В.Плеханова
к Р.М.Плехановой.
1894 г.

Воспоминания
Н.К.Гернет о В.И.Засулич

Г.В.Плеханов и
заграничный «Союз
русских социал-демократов»

Профессор И.Н.Бороздин
о встречах с Г.В.Плехановым

Письма Ф.И.Дана
к Г.В.Плеханову.
1907–1908 гг.

Из воспоминаний
Сэна Катаямы
«Три года в России»

Пометы Г.В.Плеханова
на книге С.Л.Франка
«Теория ценности Маркса
и ее значение»

Дом Плеханова

9533(дэр) 2076 п.и.

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО,
АНО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А.ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В.АНАНЬИЧ, В.Ю.АФИАНИ, Н.Н.БОЛХОВИТИНОВ, О.В.ВОЛОБУЕВ,
В.П.КОЗЛОВ (председатель), С.В.МИРОНЕНКО, Р.Г.ПИХОЯ,
Н.Н.ПОКРОВСКИЙ, А.Н.САХАРОВ, А.К.СОРОКИН, А.Д.СТЕПАНСКИЙ,
А.О.ЧУБАРЬЯН, В.В.ШЕЛОХАЕВ, С.О.ШМИДТ

Редакция:

О.И.ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), С.М.КАШТАНОВ, Т.В.КОТЮКОВА,
Е.Р.КУРАПОВА, Г.И.НАУМЕНКО (отв. секретарь), М.И.ОДИНЦОВ,
Д.Б.ПАВЛОВ, Т.И.ФИЛИМОНОВА

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 117393, г. Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел.: 334-82-37

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 117393, г. Москва, Профсоюзная ул., д. 82.
Тел./Факс: 334-81-62. E-mail: istarh@rosspen.com

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.infomag.ru:8080/dbase/J089R/>

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

На 1-й стороне обложки:

Г.В.Плеханов. Худ. С.Яннов.

Российская национальная библиотека Дом Плеханова

На 4-й стороне обложки:

Р.М.Плеханова и Е.С.Коц в читальном зале Дома Плеханова. 1930-е гг.

«В НАШЕ “КРИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ” НЕ МЕШАЕТ ДОКАЗЫВАТЬ ДАЖЕ СОВЕРШЕННО ОЧЕВИДНЫЕ ИСТИНЫ»

Пометы Г.В.Плеханова на книге С.Л.Франка
«Теория ценности Маркса и ее значение.
Критический этюд» (СПб., 1900)

В 1900 г. в Петербурге была издана книга русского философа и психолога Семена Людвиговича Франка (1877–1950) «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд». Уже вскоре она попала в библиотеку Г.В.Плеханова, и он внимательно ее прочитал. В 1901 г. в журнале «Заря» (№ 2–3) была опубликована статья Георгия Валентиновича «О книге С.Франка» (позже она вошла в сборник «Критика наших критиков»). Плеханов читал книгу несколько раз: пометы и подчеркивания на полях выполнены чернилами и простым карандашом. Особенностью экземпляра книги, хранящегося в Доме Плеханова, является повреждение части полей с текстом помет, срезанных при выполнении переплетных работ. Однако благодаря тому, что еще до их проведения сотрудниками Дома Плеханова были тщательно расшифрованы и выписаны на отдельные листки все пометы, мы имеем возможность в полной мере оценить взгляды Плеханова при изучении данной книги.

Период середины 90-х гг. XIX века оказался благоприятным для распространения марксизма в России. Ослабление правительственных ограничений на издание марксистской литературы способствовало появлению «легального марксизма», игравшего важную роль в духовной жизни интеллигенции страны. В этот период к марксизму пришли такие выдающиеся деятели русской науки и политики как П.Б.Струве, будущий вождь либералов Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков, С.Л.Франк, ставшие известными теологами и философами, выдающийся экономист М.И.Туган-Барановский. Социальная философия русской интеллигенции представляла собой сочетание идеалов свободы, гражданского общества с мессианским (религиозным) идеалом правды и справедливости. Характерным примером этого являются взгляды Н.А.Бердяева. В работе «Воля к жизни и воля к культуре» он писал, что «буржуазность и есть рабство у тлена»¹. Притягательность марксизма объяснялась для многих его гуманистическими позициями, открывающими для России путь к ликвидации векового неравенства и угнетения. Для интеллигенции марксизм стал философией социального оптимизма.

Промышленный подъем 90-х гг. доказал верность марксистского анализа положения России, сделанного Г.В.Плехановым. Стало невозможно отрицать наличие класса пролетариата и рассуждать об «искоренении» капитализма в стране, как еще совсем недавно это казалось возможным приверженцам «субъективного» социологического метода исследования. Авторитет Плеханова быстро рос, а с ним поднимался и престиж марксистской теории и марксистского метода познания.

¹ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 170.

Много лет спустя П.Б.Струве писал: «В то время доктрина российской социал-демократии в своих основных положениях прочно опиралась на труды эмигрантов социал-демократов. В особенности велико было влияние и обаяние трудов Плеханова. Как автор "Наших разногласий", он сыграл огромную роль в закладке фундамента ортодоксального марксизма»².

Однако к концу 90-х гг. XIX в. ситуация стала меняться. В западных капиталистических странах все явственнее обнаруживались монополистические тенденции, что накладывало отпечаток на социально-экономическую и идейно теоретическую жизнь общества. Появился «экономизм», сущность которого сводилась к возможности отказа пролетариата от классовой борьбы во имя проведения реформ, направленных на реализацию его экономических интересов. Дискуссии по поводу «экономизма» в рядах русской социал-демократии возникли одновременно и в связи с общим кризисом международного социализма. В 1898 г. немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн начал печатать в «Neue Zeit» серию статей с критикой положений Маркса.

В русской экономической мысли, наряду с марксизмом, приобретают популярность исследования представителей так называемой «субъективной» школы. Одновременно идет процесс идейного и теоретического размежевания представителей различных социальных слоев, наметилось увлечение философией И.Канта, в которой привлекала вера в человека как конечную и абсолютную ценность. Под влиянием усиления идеалистической философии, с одной стороны, и бернштейнианства, — с другой, русские «легальные марксисты» поставили вопрос о необходимости критического отношения к некоторым положениям теории Маркса. Так, М.И.Туган-Барановский писал Г.В. Плеханову: «я показал, что теория прибыли Маркса требует существенной переработки. А именно: никакого различия в деле создания прибыли между постоянным и переменным капиталом не существует. Я доказываю это, исходя из трудовой теории ценности и думаю, что мои соображения подкрепляют трудовую теорию ценности, которая была изложена Марксом, на мой взгляд, неверно»³. Г.В.Плеханов, неоднократно указывавший на необходимость устранения действительных ошибок Маркса и дальнейшего развития марксистской теории, отнесся неодобрительно к попыткам «исправить мнимые ошибки у Маркса». Туган-Барановский в своем письме, в частности, упоминает, что Плеханов назвал его и Струве «академическими марксистами» и отрицательно отнесся к его литературной деятельности. Впоследствии и С.Н.Булгаков, вспоминая о содержании писем Плеханова к нему, писал Р.М.Плехановой: «Кроме текущих вопросов практического характера, я помню несочувственные отзывы по поводу моей склонности к философскому критицизму»⁴. Плеханов в тот период готовился к открытой критике бернштейнианства. В начале 1900-х гг. он опубликовал в журнале «Заря» цикл статей против единомышленников Бернштейна и, прежде всего, против П.Б.Струве. Критика «струвизма» являлась логическим дополнением критики бернштейнианства. Выступая против Струве, Плеханов дал развернутое опровержение экономических взглядов Э.Бернштейна, воспринятых его российскими последователями. В это же время Плеханов опубликовал в журнале «Заря» ряд рецензий на работы, авторы которых пытались, на его взгляд, ревизовать основные положения учения Маркса. В число таких критических разборов попала и работа Франка.

Необходимо подчеркнуть один существенный для понимания взглядов Плеханова момент — Георгий Валентинович не был догматиком, он внимательно от-

² Struve P.B. My Contacts and Conflicts with Lenin // Slavonic and East European Review. Vol. XII. 1934. P. 579.

³ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. М., 1974. Т. 3. С. 227.

⁴ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 3. Ед. хр. 126.

носился к суждениям других, и были оценки, с которыми он соглашался. Впоследствии Л.Д.Троцкий вспоминал об этой черте Плеханова: «Разногласия шли по линии большой жесткости и категоричности в характеристике основных тенденций капитализма, концентрации производства, распада промежуточных слоев, классовой дифференциации и пр. — на стороне Ленина, и большей условности и осторожности в этих вопросах — на стороне Плеханова»⁵. Плеханов всесторонне обдумывал мнения Туган-Барановского и Булгакова, писавших ему, что ревизионизм выражает потребности времени и его появление связано с необходимостью дать разъяснения возникшим в обществе проблемам. В архиве Дома Плеханова хранятся письма С.Н.Булгакова (1898–1899 г.г.), П.Б.Струве (1895–1899 г.г.), М.И.Туган-Барановского (1899 г.), значительная часть которых касается философских проблем, затронутых полемикой Плеханова и Бернштейна. Туган-Барановский и Булгаков поддерживали плехановскую оценку относительно низкого философского уровня работ Бернштейна⁶. Такое же мнение высказал и Струве в письме Плеханову от 17 мая 1899 г.: «Философская часть книги Бернштейна действительно очень слаба, и вообще в ней много слабого»⁷.

Книга «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» была первой работой 23-летнего С.Л.Франка. Очевидно, что работа была написана под впечатлением взглядов М.И.Туган-Барановского. В 1890 г. М.И.Туган-Барановский опубликовал в либеральном журнале «Юридический вестник» весьма компетентную статью «Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причине их ценности». Точка зрения, согласно которой стоимость (ценность) товара проистекает из его полезности, противостояла трудовой теории стоимости. Туган-Барановский, считавший себя в то время марксистом, пытался доказать, что оба подхода вполне совместимы: «мы постарались показать, что теория предельной полезности не только не составляет опровержения взглядов Риккардо или Карла Маркса, но что наоборот, эта теория, правильно понятая, составляет неожиданное подтверждение учения о ценности названных экономистов»⁸.

Идеи Туган-Барановского весьма импонировали русским экономистам. Под их влияние попал и молодой Франк. В своей работе он указывает на то, что учение К.Менгера, Е.Бем-Баверка, Ф.Визера необходимо применить к теории трудовой ценности. Франк стремится примирить австрийскую теорию субъективной полезности с трудовой теорией стоимости, пытаясь найти закон пропорциональности между трудовыми затратами и предельной полезностью.

Содержание книги «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» свидетельствует о сильной привязанности Франка к взглядам представителей австрийской школы политической экономии. Он использует их термины и определения, а также в ряде случаев логику изложения материала.

Г.В.Плеханов был знаком с взглядами представителей теории предельной полезности, но относился к их работам совершенно иначе, чем С.Л.Франк. В работах «Статья против Струве» и «Двадцатипятилетие смерти Маркса» Плеханов называет взгляды Бем-Баверка «экономической метафизикой», на которой лежит глубокая печать «непонимания материалистически-диалектического метода Маркса»⁹. В III томе «Капитала» Маркс написал о том, что действие закона стоимости ограничивается и, стало быть, видоизменяется действием закона равного

⁵ Плеханов Г.В. Сочинения. М., 1924. Т. 12. С. VI.

⁶ Первая марксистская организация России — группа «Освобождение труда». 1883–1903. М., 1984. С. 243.

⁷ Философско-литературное наследие Г.В.Плеханова. Т. 3. С. 226.

⁸ Юридический вестник. 1890. Окт. Т. 6. Кн. 2. С. 228.

⁹ Плеханов Г.В. Сочинения. М.—Пг., 1923–1927. Т. 16. С. 295.

уровня прибыли. Исходя из этого Бем-Баверк сделал вывод, что Маркс противоречит сам себе и отвергает основу своего собственного экономического учения. Плеханов считает подобные выводы «просто-напросто не серьезными» и свидетельствующими о метафизичности мышления Бем-Баверка. Он называет последнего «Бастия наших дней»¹⁰ и указывает, что «защита буржуазные общественные отношения, теоретики буржуазии опускаются до уровня софистов низшей пробы»¹¹.

В предисловии к работе «Н.Г.Чернышевский» Плеханов дает критику теоретических изысканий австрийской школы. Он пишет, что в последнее время много говорят о распространении влияния так называемой австрийской школы, претендующей на глубокую разработку вопросов теории и мало занимающейся фактами. В действительности, австрийская школа, «к числу "светильников" к которой принадлежит Бем-Баверк», по мнению Плеханова, не только мало занимается фактами, «ее представители плохо знают факты и нередко насилуют в своих рассуждениях даже и те из них, которые известны им»¹². «Что же касается теоретического значения австрийской школы, то оно, по мнению Плеханова, равно нулю: "Субъективизм" этой школы составляет поучительный pendant к идеализму всех новейших философских школ. Как идеализм, так и "субъективизм" знаменует собой понятное движение в области мысли, причиненное известными антагонистическими явлениями в капиталистическом обществе»¹³. Отвечая на вопрос, почему учение австрийской школы имеет большой успех, Плеханов приводит в пример такой факт: когда Уильям Смарт выпустил английский перевод сочинения Бем-Баверка, то всемирно известная газета «Таймс» выразила свое удовольствие по поводу того, что теперь у английского читателя есть противоядие против марксистской теории эксплуатации. «Этим сочувственным отзывом, — объясняет Плеханов, — лондонская газета раскрыла, можно сказать, всю тайну успеха австрийской школы. Она нравится идеологам капиталистического порядка именно как противоядие против теории эксплуатации»¹⁴. Но каким средством превращается она в такое противоядие? — спрашивает Плеханов. «Она превращается в него путем отвлечения от всех общественных отношений производства: когда "теоретик" отвлекается от всех отношений производства, тогда он естественно отвлекается и от тех из них, которыми обуславливается эксплуатация производителя продукта — его присвоителем. Но как много сулит науке такое отвлечение видно из того, что все категории политической экономии являются ничем иным, как выражением производственных отношений: отвлечься от этих отношений — значит закрыть себе путь к пониманию этих категорий. Естественно поэтому, у "теоретиков" австрийской школы не получается ничего кроме бессодержательных рассуждений на "субъективные" темы. От таких рассуждений научная теория до сих пор ничего не выиграла, да, конечно, и не может выиграть»¹⁵.

В предисловии к своей книге С.Л.Франк формулирует основные цели исследования, главным образом указывая на то, что критическая разработка теории ценности Маркса, как и всех остальных его теорий, может и должна заключаться в исправлении и углублении ее на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западноевропейской теоретической экономии. Он пишет, что в предлагаемой работе он старался показать, «в каком отношении теория ценности

¹⁰ Там же. Т. 11. С. 269.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Там же. Т. 5. С. 133.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 133–134.

¹⁵ Там же. С. 134.

Маркса должна быть признана неправильной и при каком значении она сохраняет научную ценность»¹⁶ (С.Ф.) (данная фраза подчеркнута Г.В.Плехановым). Он также заявляет, что единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путем органического ее соединения с другой теорией ценности, так называемой теорией субъективной ценности или предельной полезности, и что такое соединение двух, по-видимому, противоречащих друг другу теорий служит на пользу их обеих и открывает некоторые новые плодотворные точки зрения в теории ценности и распределения (С.Ф.). Все эти высказывания Франка были отмечены Плехановым на полях и помечены знаком NB (Nota bene) — «заметь хорошо». Плеханов употреблял этот знак для обозначения особо примечательной для него части текста, в данном случае выделяя основной замысел работы Франка.

В книге Франка сохранилось 238 помет Плеханова (не считая тех случаев, когда он исправляет допущенные в книге опечатки). В журнальной публикации невозможно воспроизвести их в полном объеме, в связи с чем во вводной статье мы обращаем внимание на содержание тех помет, которые наиболее полно отражают мнение Плеханова о взглядах Франка.

Важным является *понимание* трудовой теории стоимости или «ценности», как ее называет Франк. Главная задача, которую он пытается решить, состоит в том, чтобы ответить на вопрос «что такое ценность?», «чем объясняется ценность?» (С. 2–3). Франк согласен с Марксом, что меновая ценность определяется общественно необходимым трудом, однако считает, что попытка Маркса обосновать трудовую теорию меновой ценности положительных результатов не принесла. Только один труд, на взгляд Франка, не может служить общей субстанцией или природой ценности (С. 47, 67–68, 138–139, 157, 160–161).

Франк полагает, что единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено путем ее органического соединения с теорией субъективной ценности или предельной полезности. И это соединение, с его точки зрения, послужит на пользу обеих теорий, ибо выявит новые ракурсы в понимании теории ценности и распределения (С. 369–370).

С позиций взглядов современной экономической науки совместить трудовую теорию стоимости и теорию предельной полезности невозможно¹⁷, т.к. они исходят из различных — *генетически различных* — предпосылок.

Теория трудовой стоимости имеет своим источником взгляды классической теории в лице А.Смита и Д.Рикардо. К.Маркс очистил гипотезу трудовой стоимости от колебаний, противоречий и оговорок, возникавших у Смита, Рикардо и Милля. И Франк в своей работе подметил, что у Смита и Рикардо можно насчитать целых шесть значений понятия «ценность», и некоторые из них синонимичны понятию «цена» (С. 2, 179).

Идеологи теории предельной полезности попытались создать монистическую — единую — теорию ценности, исходя из предпосылок, совершенно противоположных предпосылкам классической школы. В качестве исходного простейшего явления экономической жизни они выбрали отношение человека к вещи, появляющееся в области личного потребления.

Представители теории предельной полезности радикально перестроили проблему стоимости. Потребительские оценки и потребительский выбор стали ос-

¹⁶ Здесь и далее в скобках будут приведены ссылки на страницы работы С.Л.Франка «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» (С.-Петербург, 1900).

¹⁷ Такого мнения придерживаются и авторы предисловия к публикации работ представителей австрийской школы, изданных издательством «Экономика» в 1992 г. под рубрикой «Экономическое наследие».

новным предметом анализа, а причинно-следственные связи между производством, обменом и потреблением поменяли свое направление на противоположное — основной ценности стали не прошлые затраты, а будущая полезность. На первый план в теории субъективной ценности выходили не отношения людей и классов, более очевидных в процессах производства и распределения, а отношение индивида к вещам, товарам, «благам», составляющим видимое содержание процессов потребления.

В теоретических системах Смита и особенно Рикардо концепция «экономического человека» являлась методологическим принципом исследования, но в самом экономическом анализе у них присутствует не зависящий от воли и сознания людей экономический механизм. Совершенно иное положение занимает концепция экономического субъекта в теории предельной полезности. Модель человека-оптимизатора¹⁸ становится здесь доминирующей. Но при этом модель человека у теоретиков предельной полезности потеряла непосредственную связь с реальными представителями капиталистического производства (предпринимателями). Абсолютизируя частный случай ценообразования на рынке редких благ, теоретики субъективной ценности пытались решить проблемы распределения, а отчасти даже и производства, с помощью применяемых ими субъективных категорий при анализе потребления и обмена. Вооруженные знанием субъективной ценности благ, экономические субъекты затевают, если им это выгодно, обмен или даже производство. Причем, если для классической школы сущность обмена следует искать в сфере производства, то для теоретиков предельной полезности, наоборот, само производство — это своеобразный косвенный вид обмена. Целью же производства и обмена для каждого из их участников является лучшее удовлетворение своих потребностей — прямое или опосредованное.

Концепция человека-оптимизатора в теории предельной полезности несла существенную *идеологическую нагрузку*: вступая в прямое противоречие с теорией стоимости, она тем самым противодействовала усилению позиций марксизма. Последовательно объективной теории стоимости Маркса теоретики предельной полезности противопоставили последовательно субъективную теорию, основанную на свойствах человека-оптимизатора.

При обращении к тексту книги Франка и пометам Плеханова, относящимся к характеристике теории стоимости, становится очевидным, что Плеханов хорошо понимал значение теории предельной полезности как учения, последовательно противостоящего марксизму. Не случайно он во многих пометах указывает на *трудовое* происхождение стоимости, на значение производства для теории ценности (С. 182, 230, 232, 233, 281, 295, 300, 306, 328). Во всех случаях, когда Франк прямо или косвенно *также* подтверждает трудовую теорию стоимости Маркса, Плеханов одобрительно отзывается об этом, используя такие выражения, как «это правда», «gut», «в том-то и дело», «ну вот, хороший результат», «едва ли не единственное дельное замечание» и др.

Однако Франк, который только начинал свою научную жизнь и находился под влиянием господствовавших в тогдашнем российском обществе теоретических взглядов, когда одновременно восхищались и Марксом, и австрийской школой, не считал теорию стоимости Маркса и теорию предельной полезности кардинально противоположными. Поэтому в его работе трудовая теория стоимости соединяется с субъективными основаниями формирования ценности (С. 148, 157, 242, 244, 324). Плеханов отмечает эту непоследовательность в своих пометах (С. 160–161,

¹⁸ Можно предположить, учитывая последующую эволюцию взглядов С.Л.Франка, что именно идея свободного человека, осуществляющего выбор в потреблении, обмене, производстве, привлекла его внимание и сделала сторонником теории предельной полезности.

191, 279, 324) и указывает: «это и надо объяснить», «да, для вас важен факт, а не почему», «на каком же основании», «это не довод», «небогатая мысль» и т.п. В тех же случаях, когда Франк в своих объяснениях вольно или невольно находит аргументы против предельной полезности, Плеханов пишет на полях: «капитуляция теории субъективной ценности», «опять капитуляция». Но через две страницы он снова разочарован: «и опять путаница!» (С. 295, 300, 302).

В ходе критического разбора идей автора Плеханов впервые *выявил и указал* на известный современной науке «логический круг»: он возникает при объяснении цены субъективной ценностью¹⁹. Плеханов отмечает, что у сторонников теории предельной полезности получается, что мерилom субъективной ценности продуктов оказывается труд, а субъективная ценность труда определяется субъективной ценностью его наименее полезного продукта. Это называется, пишет Плеханов, «посылать от Понтия к Пилату или, выражаясь менее литературным языком, топтаться на одном месте»²⁰.

Значительная часть помет Плеханова относится к спору о противоречии между 1-м и 3-м томами «Капитала», о существовании которого на страницах научной печати велась активная полемика (С. 59, 62, 63, 116, 280, 317). До выхода 3-го тома «Капитала» учение Маркса о стоимости понималось так, что в доход каждого отдельного предпринимателя поступает только та прибавочная стоимость, которая создается на его собственном предприятии. А когда из 3-го тома стало очевидно, что мысль Маркса иная — он находил неизбежными случаи, при которых капиталист присваивает себе часть прибавочной стоимости, произведенной на предприятиях других капиталистов — тогда стали говорить об измене Маркса своему учению о стоимости. Об этом же пишет и Франк, указывающий, что у Маркса в 3-м томе «Капитала» появляется понятие «средней» цены, которая не совпадает с «трудовой ценностью» товаров. Таким образом, отклонение цены производства от стоимости, т.е. тот факт, что при обмене по «средним» или «нормальным» ценам обмениваются друг на друга товары, заключающие в себе разное количество рабочего времени, на взгляд Франка, служит опровержением трудовой теории меновой ценности.

Анализируя далее найденное критиками Маркса «противоречие» между 1-м и 3-м томами «Капитала», Плеханов в многочисленных пометах отсылает Франка к конкретным работам Маркса, указывает на необходимость еще раз с ними познакомиться и делает вывод о слабом знании Франком теории стоимости и цены производства. Плеханов показывает, что никакого отказа от теории стоимости у Маркса нет. Из правильно понятых работ Маркса следует: 1) стоимость товаров превращается в цену производства; 2) цена производства данного товара не равна или, по крайней мере, не всегда равна, его стоимости; 3) общественная прибавочная стоимость распределяется между отдельными предприятиями сообразно закону превращения стоимости в цену производства.

К мысли о наличии противоречий между 1-м и 3-м томами «Капитала» Франк в своей работе обращается неоднократно, однако теории распределения Маркса посвятил отдельную, седьмую, главу. Франк называет распределение прибавочной стоимости «схемой» Маркса. И снова Плеханов в своих пометах отсылает Франка к тексту работ Маркса, указывая, что это «вовсе не схема» (С. 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 291, 292).

Взгляды на так называемое противоречие между 1-м и 3-м томами «Капитала», равно как и субъективная теория стоимости, намеренно широко распространялись в тогдашнем обществе, поскольку она также несла важную идеологиче-

¹⁹ Австрийская школа политической экономии: К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Ф. Визер. М., 1992. С. 27.

²⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. М.-Пг., 1923—1927. Т. 11. С. 355.

скую нагрузку. Одно дело, когда предприниматель присваивает «прибавочную ценность», созданную работником собственного предприятия, и совсем другое, когда *весь класс* предпринимателей в качестве прибыли имеет источником прибавочную стоимость, созданную в *других отраслях*, т.е. эксплуатирует уже не только «своих» рабочих. Именно на это существенное обстоятельство Франк и не обратил внимания, хотя и хотел «содействовать укреплению трудовой теории ценности в более скромной, зато и более твердой позиции». Поэтому и в этом вопросе Франк проявляет непоследовательность, когда заключает, что «факт уклонения средних цен от трудовых ценностей не опровергает трудовой теории ценности» (С. 60).

Существенная часть помет Плеханова на книге Франка связана с рассмотрением автором проблемы распределения. Здесь в тексте Франка явно выделяются те аспекты его взглядов, в которых производство становится производным от обмена, а эксплуатация рабочих оказывается никак не связанной с производством прибавочной ценности для капитала (С. 148, 180–190, 202, 272, 273, 274, 279, 285, 314).

Франк нашел у Маркса особую «схему распределения», сводящуюся к тому, что процесс распределения всей суммы произведенных в обществе ценностей совершается в каждой отрасли производства отдельно и независимо от других отраслей производства, и, как следствие, капиталисты каждой производительной группы получают «прибавочную ценность», созданную рабочими той же самой производительной группы. Все общество, в таком случае, по Франку, оказывается разделенным на целый ряд общественных групп, внутри которых совершается процесс распределения общественного дохода, эти группы между собою только обменивают один вид продуктов на другой, не распределяя при этом общественного дохода (С. 268–269). Купля-продажа рабочей силы называется у Франка обменом труда на продукт (С. 311).

Рассуждая об «извлечении» прибавочной стоимости, Франк указывает: сам факт, что прибавочная стоимость была произведена, никак не предreshает вопроса о том, будет ли *эксплуатация* связана с теми отношениями между членами общества, в которых они выступают в качестве *производителей* (с отношениями *найма труда*), или же с теми, в которых они выступают в качестве *потребителей*. То и другое, на взгляд Франка, одинаково возможно (С. 278, 279, 285).

В реальной хозяйственной жизни, объясняет Франк, мы знаем обмен товаров, наем труда, аренду земли и много других хозяйственных отношений, но не знаем «извлечения прибавочной ценности». Каждый член общества не совершает специального действия, цель которого стоит в таком «извлечении»; он вступает в целый ряд конкретных экономических отношений к другим членам общества, путем этих отношений участвует в распределении дохода, и когда обнаружатся результаты этого распределения, когда окажется, что он получил от общества больше, чем дал ему сам или же наоборот меньше, тогда только мы узнаем по этим результатам, получил ли он прибавочную ценность, или отдал ее и, соответственно этому, к которому из двух классов она принадлежит. Таким образом, из изложенных взглядов Франка вытекает вывод, что никакой эксплуатации нет, т.к. каждый обменивает то, что ему принадлежит (С. 274–279).

В пометах Плеханова по поводу изложенных взглядов Франка на распределение четко отражается его позиция. Во-первых, он неоднократно отмечает неверность схемы, приписываемой Марксу. Во-вторых, обращает внимание на то, что Франк не принимает во внимание первенство производства, и Плеханов пишет на полях: «надо создать, а потом уже «извлекать», «капиталисты отдают ценность, созданную чужим трудом» (С. 273, 316).

Франк связывает производство не только с трудом работников. Он явно отдает предпочтение теории трех факторов производства, описанной еще Сэем. Это подтверждают слова самого Франка о том, что «отношение верховного руководи-

теля современного общественного хозяйства — капитала — к труду людей совершенно тождественно с его отношением к остальным — одушевленным и неодушевленным — факторам производства» (С. 139, 156). Он считает, что факторами производства служат все силы, т. е. силы природы, машин и пр. не меньше, чем мускульная сила человека. Деление на «активные» факторы и «вспомогательные средства» производства с точки зрения создания ценности — совершенно недопустимо: оно покоится, по мнению Франка, на метафизическом представлении о возможности каких то особенно привилегированных «активных» причин, в отличие от причин «пассивных». Он считает утверждение, что ценность создается только трудом людей — ни на чем не основанным. Плеханов хорошо понял идеологическое значение этих мыслей Франка. Именно здесь он делает помету «Des Pudel's kern!» — вот где собака зарыта (С. 156).

В работе Франка и пометах Плеханова можно выделить также взгляды на конкуренцию, производительный и непроизводительный труд, земельную ренту, заработную плату рабочих, роль частной собственности в распределении, теорию богатства и другие (С. 49, 109, 111, 134, 152, 155). Однако приводимые ниже пометы Плеханова на книге Франка освобождают нас от подробных комментариев каждого положения. Внимательный читатель поймет и оценит их значение.

В заключение хотелось бы обратить внимание на следующее. Взгляды, высказанные в XIX в., актуальны и по сей день. Теория субъективных ценностей процветает в самом богатом государстве мира. Высокий уровень потребления в США создавался на основе взглядов, предполагающих приоритет потребительского поведения, и как ответ на вызов СССР. В результате, США, которые в настоящее время производят, по разным оценкам, от 18 до 25% мирового ВВП, потребляют его порядка 38—42%. Принципиальный эффект таков, что *суммарное потребление США* много больше, чем *национальное* производство (в широком смысле слова). Многочисленные оптимизаторы всячески изобретают новые потребности, чтобы их вновь и вновь потреблять. Однако миллионы людей уже начинают понимать, что подобный путь развития *для мира* объективно неприемлем.

В своем поиске иных возможностей развития ученые и политики не раз обращались к мыслителям, оказавшим на разных исторических этапах решающее воздействие на судьбы мира. Одним из них был Г.В.Плеханов, посвятивший свою жизнь поиску путей переустройства мира и самоосвобождения человека. Он видел развитие цивилизации на путях осуществления идеала человека труда, живущего по «простым законам нравственности и права». Будет ли этот идеал реализован, зависит от уровня культуры и цивилизованности людей. Именно эти взгляды делают актуальными работы Плеханова и сегодня. Ведь кто не производит, но потребляет — обречен на «рабство у тлена», но есть и те, кто исповедует принцип «блага народа — высший закон».

Документы публикуются по оригиналам: книга С.Л.Франка «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд» (СПб., 1900) с пометками Георгия Валентиновича хранится в личной библиотеке Плеханова (РНБ АДП. А.1527). Приводимые ниже фрагменты текста книги С.Л.Франка и пометы Плеханова печатаются в соответствии с нормами современного русского языка. Сокращения раскрыты в квадратных скобках. Сохранены подчеркивания отдельных слов и фраз, сделанные Плехановым, а также курсив С.Л.Франка. В точном соответствии с расположением в оригинале воспроизведены отчеркивания отдельных фрагментов и страниц текста, выполненные Плехановым на полях книги. Сведения об упоминаемых лицах приведены в указателе персоналий.

Публикацию подготовила доктор экономических наук О.К.ЦАПИЕВА.

**С.Л.Франк «Теория ценности Маркса и ее значение.
Критический этюд». СПб., 1900**

Предисловие

С. IV

Столь же неверно, однако, и ортодоксальное убеждение в полной законченности и правильности трудовой теории ценности: ему противоречит уже самый факт непрерывного спора о ее значении, свидетельствующей, что в современной формулировке ее не все обстоит благополучно; и если каждая из спорящих сторон нередко объясняет разногласие мнений сознательной или бессознательной недобросовестностью противной стороны, нежеланием ее вдуматься в исследуемый вопрос, то это объяснение независимо от того, насколько оно верно или уместно само по себе — доказывает как раз то, что собиралось опровергнуть, именно, что вопрос еще не настолько выяснен, чтобы сделать подобные *qui pro quo* невозможными.

NB

С. V

В противоположность этой тенденции мы имеем смелость утверждать, что критическая разработка теории ценности Маркса — как и всех остальных его теорий — может и должна заключаться в исправлении и углублении ее на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западноевропейской теоретической экономики, и попытку подобной критической оценки теории Маркса и представляет собою предлагаемый этюд. Мы старались в нем показать, в каком отношении теория ценности Маркса должна быть признана неправильной и при каком значении она сохраняет научную ценность. Мы старались далее показать, что это последнее, единственно истинное, значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путем органического ее соединения с другой теорией ценности, так называемой теорией субъективной ценности или предельной полезности, и что такое соединение двух, по-видимому, противоречащих друг другу теорий служит на пользу их обеих и открывает некоторые новые плодотворные точки зрения в теории ценности и распределения.

NB

Глава I. Теория меновой ценности Маркса

С. 2

в теории ценности обсуждение вопроса: «чем объясняется ценность?» может только следовать за разрешением другого вопроса: «что такое ценность? Какого рода экономические явления теория ценности должна объяснять?»

Уже у классиков — Ад.Смита и Рикардо — можно насчитать целых шесть значений этого термина, который к тому же употребляется в промежутку с другим, почти равнозначимым ему термином «цена».

NB

Bon !

С. 46

Вопрос поставлен так, что ожидается абстрактное исследование, т.е. отнюдь не перечисление причин, а определение основы самого явления. В этом случае необходимо указание на одно, и только одно свойство товаров, в котором лежит разгадка его меновой ценности. Поэтому, если существуют меновые отношения, в основе которых лежит не труд, а что-либо иное, или даже труд, но не только он один, то труд не может служить общей субстанцией или природой ценности

В основе меновых отношений всегда лежит труд. Весь вопрос в количестве труда; иногда труд данного количества обменивается на равное количество, а иногда — нет

С. 51

Если бы было справедливо мнение Маркса, что уравнивание спроса и предложения означает вообще прекращение действия обоих этих факторов.

?

С. 59

Так как, однако, при обмене товаров пропорционально затрате труда, уровень прибыли в различных отраслях промышленности был бы не одинаков, то «средние» цены не совпадают с тем, что обыкновенно называют «трудовой ценностью» товаров: в одних отраслях промышленности первые превышают вторые, в других, соответственно этому, стоят ниже их. Служит ли это явление противоречием трудовой теории меновой ценности, или теория может, не уклоняясь от своего принципа, объяснить отклонение «средних цен» от «трудовой» ценности? Как известно, Маркс сам указал в 1-ом томе «Капитала» на это препятствие; он объявил его, однако, кажушимся и обещал разрешить видимое противоречие в 3-ем томе.

С. 60

С другой стороны, можно признать факт уклонения средних цен от трудовых ценностей, но считать этот факт не опровергающим трудовой теории ценности; при этом приходится изображать дело так, что труд есть только один, хотя, быть может, и существеннейшей, фактор образования цен; к нему присоединяется, видоизменяя, но не уничтожая его действия, другой фактор — стремление уровень прибыли к равенству; благодаря комбинации этих двух факторов, как бы под действием параллелограмма сил, образуются средние цены товаров.

С. 61—62

ибо эта субстанция должна составлять то свойство товаров, которое имеется в равном количестве в обменивающихся друг на друга единицах их.

Требование г. Франка. См., как Маркс понимает решение противоречия в 1 томе.

Субстанция не есть свойство товаров.

С. 62

Повторяем: задача *теории меновой ценности* заключается в определении того общего свойства всех товаров, которое имеется в одинаковом количестве в обмениваемых друг на друга единицах их; поэтому тот факт, что – при обмене по «средним» или «нормальным» ценам – обмениваются друг на друга товары, заключающее в себе *разное* количество рабочего времени, служит само по себе опровержением трудовой теории меновой ценности, и никакое объяснение этого явления не может изменить этого.

Так смотрело на дело и огромное большинство приверженцев теории ценности Маркса в промежуток между выходом 1-го и 3-го тома «Капитала». Огромнейшее большинство их ожидало, что Маркс покажет именно *соответствие* трудовой ценности средним ценам, что отклонение последних от первой будет объявлено миражем, обманывающим поверхностного наблюдателя.

С. 62–63

Все они пытались доказать, что средние цены, при более тщательном анализе, оказываются точно пропорциональными сравнительному количеству разного времени, заключенного в товарах, и что отклонение их от трудовой ценности есть только явление кажущееся. Как бы ни смотреть на достоинства этих работ, надо признать, что авторы их были единственными последовательными людьми в лагере приверженцев трудовой теории меновой ценности.

С. 63

Нужно было много забыть из истории политической экономии, чтобы верить в возможность доказательства совпадения средних цен с трудовой ценностью.

Тем не менее содержание их задачи сводилось к доказательству отсутствия отклонения средних цен от трудовой ценности.

Того же ожидали от Маркса; ожидали, что он покажет мнимость этого отклонения, столь очевидного с первого взгляда

С. 66

Мы пойдем еще дальше Бем-Баверка. Приложение трудовой теории меновой ценности ко всей сумме национального продукта не только сводится к тавтологии, но вместе с тем – с точки зрения задачи теории меновой ценности – содержит в себе внутреннее противоречие.

Вопрос о меновой ценности всего национального продукта там, где, как у Маркса, дело не идет о меновом отношении *между* ценностями различных национальных продуктов, лишен всякого смысла.

Вот сущность аргументации господина Франка.

Мы не принадлежали к их числу.

Но ведь Маркс еще в первом томе выявил, что это не так.

однако

Между тем как Маркс отрицал его присутствие. На каком же это основании?

Это тебе кажется, потому что ты плохо понял «субстанцию» ценности.

Ну, вот!

С. 67—68

В этом заключается самое существенное возражение против «разрешения» проблемы у Маркса. Еще менее имеет-ся оснований считать трудовую теорию меновой ценности правильной, когда не только остается не доказанным, что товары обмениваются пропорционально труду, но когда, на-оборот, само «разрешение» начинается с категорического признания отклонения средних цен от трудовой теории цен-ности. При таких условиях можно быть различного мнения о достоинствах новых мыслей Маркса, высказанных в соответ-ствующих отделах третьего тома

Самое су- щественное возражение против Марксова решения. Да ведь в том-то и де- ло, что эти мысли не новы.

С. 96

Относительно легко также и обращение капитала на покуп-ку одного рода сырых материалов вместо другого. Так как ценность сырых материалов, как известно, входит в цен-ность продукта целиком

Стало быть, входит? Ста- ло быть, вы возвращае- тесь к тео- рии издер-жек?

С. 97

Существенно иначе обстоит дело с основным капиталом, ценность которого входит в ценность продукта по частям и который изнашивается, следовательно, только постепенно.

Стало быть, она «входит»?

С. 106

Рассматриваемый вопрос стоит в близкой связи с другим вопросом, именно вопросом о ценности труда. Нетрудно за-метить, что высота ценности, которая обуславливается при-ложением различных видов труда, идет параллельно ценности самих этих видов труда. Во сколько раз, напр[имер], труд ювелира создает больше ценности, чем труд землекопа, во столько же раз он и оплачивается больше, т.е. непосредствен-но обменивается на большее количество ценности.

?
У Маркса это?

С. 109

Нельзя отрицать, что подобное различие действительно имеет место. Что ценность труда стоит ниже ценности про-дукта, другими словами, что заработная плата составляет только часть ценности, получаемой в результате производст-ва — это общеизвестный факт, без которого невозможно было бы существование прибыли капиталиста. Но если мы стре-мимся найти единый закон ценности, то мы не можем на этом остановиться.

NB

С. 111

Но если, согласно теории Маркса, явления найма труда и заработной платы составляют резкое исключение из трудового закона меновой ценности, то, однако, та внешняя связь, ко-торая имеется у него между теорией ценности и теорией за-работной платы, помешала ему выработать полный и удовле-творительный закон заработной платы. Заработная плата, со-гласно его учению, есть ценность рабочей силы, и высота ее определяется количеством труда, необходимым на созда-

Это неверно

ние рабочей силы, т.е. на производство минимума средств существования, потребление которых сохраняет последнюю. Мы оставляем здесь в стороне вопрос о том, в какой мере теория «минимума» вообще может претендовать на научное значение даже в той смягченной форме, которую ей дает Маркс, понимающий под «минимальным уровнем» потребления уровень не только чисто физический, но и культурно-исторический, и не нужно ли окончательно предать забвению «железный закон» заработной платы, под какой бы формой он ни подносился.

С. 114

Маркс указал на новое условие: труд должен быть затрачен при общественно-необходимых условиях производства, он должен быть общественно-необходимым трудом для того, чтобы в результате его получалась ценность. Заметим, что этим не только было сужено понятие о труде, как источнике ценности, но и было ограничено действие закона трудовой ценности.

С. 116

Итак, Маркс сам сообщает, что понятие необходимого рабочего времени имеет здесь уже другое значение; для того, чтобы труд создавал ценность, нужно не только, чтобы качественные условия его приложения были условиями технически необходимыми в данный момент, но чтобы самый труд этот был необходим для общества, т. е. для удовлетворения общественной потребности, и чтобы количество его совпадало с тем, которое необходимо для общества. Наряду с *технической* необходимостью здесь ставится условием создания ценности также и *общественная*, в тесном смысле этого слова, необходимость, т. е. необходимость для удовлетворения потребностей. Границу этой необходимости ставит, как Маркс говорит, потребительная ценность, иначе – господствующие в обществе потребности.

С. 117

Отсюда следует, что при одинаковых технических условиях и при одинаковом количестве производимых продуктов данного рода, один раз это количество может оказаться общественно-необходимым, другой раз – превышающим общественно-необходимое количество, третий раз – не достигающим его – в зависимости от всей массы факторов, влияющих на состояние общественных потребностей: стоит вспомнить здесь лишь о влиянии перемены моды.

Теория «общественно-необходимого труда», как источника ценности, сводится, таким образом, сама собой к теории, ставящей высоту ценности в зависимость от состояния потребностей.

!!

Только
здесь?
А в I томе
этого нет?

Маркс
именно го-
ворит о мо-
де. См.
I том.
Не сводит-
ся, а начи-
нается
этим.

Глава II. Обоснование трудовой теории ценности у Маркса

С. 130

С другой стороны, кроме труда, фактором производства служит хотя бы, напр[имер], земля. Обладание известным количеством различного рода благ в такой же мере зависит от наличности известного количества земли, как и труда.

Да ведь это же и Маркс говорит. Категорически выяснить этот вопрос примером Робинзона.

С. 134

Таким образом, а priori, из самой сущности общественного хозяйства трудовой закон распределения, а потому, для современного общества, трудовой закон меновой ценности вывести нельзя.

Да, но ты забываешь частную собственность.

С. 138

Равенство прибылей, как мы видели, не только не совпадает с трудовым законом ценности, но, напротив, связано с постоянным отклонением от этого закона.

Опять сначала.

С. 138—139

Итак, попытка Маркса обосновать трудовую теорию меновой ценности на анализе сущности общественного хозяйства вообще и его специфической современной формы в частности — не привела к положительным результатам. Несмотря на несомненное научное значение мыслей, развитых Марксом при этом анализе, он не доказал положения о соответствии меновой ценности сравнительной затрате общественного труда каждым из производителей, так как в его аргументации есть пробелы: во-первых, остается не выясненным, почему только один труд, а не другие факторы производства должны учитываться обществом и правильно распределяться в общественном производстве; во-вторых, даже предполагая первую часть аргументами доказанной, мы не можем доказать посредством ее, что затрата труда есть вместе с тем и принцип распределения доходов в современном обществе, т. е. что меновая ценность определяется сравнительной затратой труда.

Именно.

Глава III. Попытки толкования теории ценности Маркса

С. 140—141, сноска

Настоящая работа уже печаталась, когда в «Жизни» начали появляться статьи П.Б.Струве, посвященные критике теории ценности Маркса. Не имея возможности вдаваться здесь в оценку взглядов, высказанных П.Б.Струве, мы ограничиваемся лишь замечанием, что, несмотря на неправильность некоторых его мыслей, его работа в целом представляет, по нашему мнению, самое крупное из всего, что

Кукушка хвалит петуха. Петух, наверное, похвалит кукушку.

мы имеем по вопросу о теории ценности Маркса не только в русской, но и в западноевропейской литературе. Нас особенно радует, что, несмотря на полное различие в исходных точках и концепциях работ, некоторые взгляды П.Б.Струве очень приближаются к мыслям, развиваемым нами в предлагаемом этюде.

С. 143

«убежищем» для гонимых фактами теорий

Факты нисколько не «гонят» теории Маркса

С. 144

Представление хозяйственных благ в качестве «продуктов труда», эта абстракция, которую Зомбарт *называет* ценностью, отнюдь не необходима для внесения единства в исследование хозяйственных благ, т. е. для возможности сравнения их между собой. Такую же роль может играть и их свойство быть полезностями, или то, что они имеются в недостаточном для удовлетворения человеческих потребностей количестве, или то, что они находятся в собственности и т. д., и т. д. Какое из этих свойств действительно составляет ту общую «субстанцию», которая дает возможность сравнивать между собой товары — этот вопрос может решить не «мышление» экономиста, как нечто независимое от фактов действительности, а только исследование фактических отношений. Таким образом, Зомбарт, собственно, предполагает уже трудовую теорию ценности обоснованной на фактах и только путем такого *petitio principii* может изобрести для нее «убежище» в «мышлении» экономиста.

Это экономия «Sommerberg»-ов, а не экономия современного общества

С. 145

«Если отвлечься» от затраты труда, как условия производства, то также легко можно доказать, что обладание землей «главным образом» определяет материальную культуру людей, и что поэтому «объективно-важнейшее» свойство товаров есть их свойство быть продуктами природы, откуда следовало бы — таков логический скачок, аналогичный Зомбартовскому — что природа есть «источник ценности».

Что это такое? Земля в Англии была всегда одинакова, а культура — нет.

С. 148

Почему именно труд должен служить конститутивным признаком экономических явлений, — это остается совершенно недоказанным. Во всяком случае, что бы мы ни называли «экономическим явлением», кроме труда имеются на лицо многие явления хозяйственной жизни (хотя бы, напр[имер], явления распределения и потому, между прочим, и менового отношения между товарами и определяющих его факторов), которые составляют объект изучения, все равно, будем ли мы наклеивать на это изучение ярлык «экономического» или нет.

Для Маркса-то это во всяком случае не возражение. У него распределение связано с производством.

В лучшем случае мы получаем право поставить перед теорией любого экономического факта — перед теорией ценности также хорошо, как перед всякой другой — прилагательное «трудовая».

С. 149

Если ценность есть «правило обмена», то необходимо открытие этого правила, а это г. Булгаков считает излишним занятием, достойным только представителей «коммерческого понимания ценности». Если же ценность не есть правило обмена, то что же она такое и какое она имеет отношение к обмену?

С. 150

заслуженно прославившийся ученик-критик Маркса — Бернштейн.

С. 151–152

Если одна часть общества дает другой больше труда, чем получает от нее, то ведь вторая дает первой больше капитала или больше земли и мы с тем же правом могли бы сказать, что рабочие пользуются «прибавочным капиталом» или «прибавочной землей» тех классов общества, которым они отдают свой «прибавочный труд». Каждый общественный класс является единственным или, по крайней мере, главным обладателем определенного фактора производства, и потому, разумеется, отдает этот фактор производства другим классам в большем количестве, чем получает от них. Если «прибавочному труду» Бернштейн приписывает какое-то особое значение, неприменимое к другим факторам производства, то только потому, что он бессознательно предполагает за трудом какую-то особенную, в своем роде единственную роль в хозяйстве, что, во всяком случае, требует особого доказательства. Поэтому-то и правильность воззрений прежних эпох, на которые ссылается Бернштейн, вовсе не очевидна сама собой, так как и эти воззрения опираются на особое — хотя и не вполне ясное — представление об исключительной роли труда в общественном хозяйстве.

С. 152

Таким образом, для решения задачи приходится вернуться к старому вопросу о «производительном» и «непроизводительном» труде, вопросу, который, в сущности, сводится на вопрос о том, какие роды труда создают *ценность*. Поэтому-то факт «прибавочного труда» очевиден только для того, кто заранее признал: 1) что по крайней мере известные роды труда создают ценность, и 2) что различные роды труда создают не одинаковую ценность, так что абсолютные количества их сравниваться непосредственно между собой не могут.

С. 154

Несмотря на полное ее противоречие элементарнейшим данным хозяйственной науки и несмотря на ту неясность понятий, на которой, поэтому, всегда, в конце концов, покоится трудовая теория богатства, она обладает удивительной живучестью и нередко возрождается у очень трезвых, ничуть не склонных к неясным фантазиям авторов.

!!!!

Это и надо объяснить.

!

So!

NB

Удивительно!

С. 155, сноска

Хотя Маркс и подчеркивает везде, что труд есть единственный источник ценности, а никак не богатства

Он различает, г. Франк то, что надо различать.

С. 156

Голословность и неясность выводов совершенно не допускают систематической их критики. Ясно только следующее. Если производство понимается в смысле превращения предметов внешнего мира в такую форму, при которой они могут удовлетворять человеческие потребности, то оно сводится к известному ряду движений материи, и «факторами» производства служат все силы, обуславливающие эти движения, т. е. силы природы, машин и пр. не меньше, чем мускульная сила человека. Деление на «активные» факторы и «вспомогательные средства» производства с этой точки зрения совершенно недопустимо: оно покоится на метафизическом представлении о возможности каких-то особенно привилегированных «активных» причин, в отличие от причин «пассивных», что с точки зрения теории познания есть бессмыслица.

Des Pudel's Kern

!

С. 157

На чем основано утверждение трудовой теории ценности, что ценность создается только трудом людей?

Тэкс !

С. 159

Бэджот замечает, что «наем человека и наем лошади суть очевидно тождественные акты; законы, определяющее денежную ценность, совершенно одинаковы в обоих случаях», то все эти взгляды ведь вполне соответствуют *действительному* положению труда в общественном хозяйстве, так что, как справедливо заметил Маркс, «цинизм лежит не в словах, а в отношениях». Отношение верховного руководителя современного общественного хозяйства — капитала — к труду людей совершенно тождественно с его отношением к остальным — одушевленным и неодушевленным — факторам производства.

Т.е. труда.

совершенно с твоей точки зрения здесь нет места цинизму. Что верно, то верно.

С. 160—161

Из понятия общественного отношения, как мы уже говорили, нельзя сделать никаких выводов о значении труда в хозяйстве. Кроме того, признание или непризнание определенного субъекта «членом общества» зависит от правовых, культурных, этических и т.п. взглядов людей и есть, во всяком случае, нечто независимое от фактического строя отношений между людьми; поэтому в этих отношениях ничто не изменится, если мы одному из участников производства дадим имя «члена общества», а другому в этом звании откажем. Рабство составляло приравнение человека-вещи — независимо от юридического вопроса, был ли раб членом общества или нет. Точно также и в современном общественном хозяйстве *фактические* отношения между трудом и другими факторами производства остаются прежними, незави-

Да ведь и твои аргументы сводятся к точке зрения.

!!

В том-то и дело, что нет

симо от того, что *юридически* или *этически* мы выделим носителя «труда» из разряда остальных факторов *производства*. Как ни вертеть понятие человеческого труда, его естественные свойства не дают нам никакого права приписывать ему какую-либо специфическую производительную силу или природную способность присваивать себе общественный доход. Он есть один из равноправных факторов производства и в качестве такового не может сам по себе иметь никакого притязания на какие-либо особенные свойства в этом отношении.

Таким образом, попытки толкования теории ценности Маркса к удовлетворительным результатам не привели, и также мало удовлетворительны стремления обосновать некоторые выводы из трудовой теории ценности на ясно высказанной или только подразумеваемой трудовой теории богатства.

О присваивании дохода нет речи.

Скороспелые выводы

Глава IV. Абсолютная и относительная ценность у классиков и Маркса

С. 179

Со времени Рикардо и Мальтуса в теории ценности противостоят друг другу два направления, из которых одно настаивает на тождественности понятия меновой ценности с пониманием менового отношения и, по стопам Мальтуса, отрицает необходимость иного представления о ценности, другое же считает меновое отношение только мерилom некоторого свойства товаров, существующего и вне этого отношения.

Вот это правда

С. 182

Очевидно поэтому, что в представлении о «сумме ценностей» или о «ценности национального продукта» — представления, для изучения хозяйственной жизни неизбежном и потому вполне законном — под ценностью опять-таки понимается не меновое отношение товаров, а известное абсолютное — в смысле независимости от обмена — свойство их.

Gut !

С. 183

Меновое отношение между товарами есть вполне реальное явление, и открыть законы его необходимо в такой же мере, как и законы всякого другого явления. Вопрос, почему такое-то количество одного товара обменивается на такое то количество других товаров, имеет своим объектом именно эту относительную ценность и должен быть не только резко отделен от всех других вопросов теории ценности, но и признан вопросом самостоятельным, требующим самостоятельного ответа, а потому и специального изучения.

Они и должны быть открыты в учении о конкуренции. Да для Вас важен факт, а не почему.

С. 188–189

Так, однако, обстоит дело только в первом томе «Капитала». Дополнения к теории ценности, сделанные в 3-ем томе, существенно изменили положение дела. Как известно, в 3-ем томе было показано, что не только рыночная

В том-то и дело, что это не так. Как и первого.

цена, но и средняя или необходимая меновая ценность количественно не совпадает, и притом постоянно, с абсолютной ценностью. *«Товары не обмениваются друг на друга по своей ценности».* Одна эта фраза, которая резюмирует содержание теории ценности 3-го тома «Капитала», вносит коренной переворот в представление абсолютной ценности.

С. 189–190

Абсолютная же ценность, которая не проявляется в отношении между товарами, становится некоторым Ding an sich, явлением не от мира сего, наличность и размеры которого вполне независимы от того, как распределяется фактически общественный продукт между производителями, какое практическое достоинство общество признает за отдельными членами товарного мира.

С. 190

Если ценность есть свойство всего общественного продукта и только в качестве такового имеет реальное значение, то очевидно, она уже не тождественна со способностью обмениваться на другой товар и тем выразить долю участия в общественном труде со стороны производителя данного товара.

С. 191

там, где мы имеем дело с общественным хозяйством, рассматриваемым как одно целое, общественные отношения исчезают с поля зрения исследователя; в хозяйстве народа, взятом как единое хозяйство, все общественные отношения погашаются, потому что они суть всегда отношения частей друг к другу и к целому, и все общественное хозяйство представляется нам в этом случае, как хозяйство единичного субъекта, как хозяйство Робинзона на его острове.

Если, однако, и в таком хозяйстве продукты обладают абсолютной ценностью, то это значит, что эта ценность вообще независима от общественных отношений. Отсюда, далее, следует, что абсолютная ценность не может вытекать из специфической исторической организации общественного производства; исторические формы общественного хозяйства характеризуются различием общественных отношений между производителями, следовательно, различием в соотношениях между частями общественного хозяйства; (х) характера всего общественного хозяйства они не затрагивают.

Выписать.

Никакого.

Распределение, это — совсем другое, как это показал еще Рикардо простым замечанием в начале «Principles».

Нет, она выражает именно общественный труд, труд признанный таковым.

Нет, оно представляет совокупность. У каждого есть все существенное Bestimmungen стоимости.

Разъяснить это хорошо.

!

(х) Но ведь отношение частей определяет собой характер целого.

Глава V. Теория субъективной ценности

С. 199

Легко понять, почему при подобных условиях возникает особенная, *хозяйственная ценность* явлений. Когда *одно* удовлетворение не препятствует другому, тогда границы удовлетворения неопределенны, тогда человеку не нужно принимать никаких мер к обеспечению удовлетворения своей потребности.

Стало быть, в случае хозяйственной ценности надо принимать меры к обеспечению? А обеспечить значит произвести. Конечно, можно и отнять, но это не хозяйственная деятельность.

(х) Это определение не соответствует понятию обеспечения.

«Хозяйственная ценность есть значение, которое имеют для нас отдельные блага или группы благ, благодаря тому, что мы сознаем зависимость удовлетворения наших потребностей от обладания ими».

С. 200–201

Отсюда ясно, что хозяйственная ценность есть нечто отличное от обычного понятия потребительной ценности. Для того, чтобы возникла первая, надо не только, чтобы благо было полезно, но чтобы вместе с тем оно было относительно редко, т. е. чтобы количество его не превышало того, которое необходимо для удовлетворения наличных потребностей в нем.

Редкость.

Мы разумеем тут количество благ, находимое в природе без затрат труда со стороны человека: производство вносит в положение дела некоторое усложнение

Наконец-то.

С. 202

Высота ценности блага определяется, таким образом, интенсивностью той потребности, удовлетворение которой зависит от обладания этим благом.

Изложенным, собственно, и ограничивается важнейшее и наиболее существенное содержание психологической теории ценности.

С. 207

Сообразно с этим и психологическое чувство ценности составляет лишь субъективную сторону объективного значения известных предметов и сил природы для сохранения жизни.

Все это положено, не принимая во внимание производства.

NB

Глава VI. Трудовая ценность как
субъективная ценность общественного дохода

С. 230

В чем же может заключаться это универсальное средство производства? Оно заключается в *самой человеческой деятельности*. Все, что лежит вне ее, все это не подчинено безусловно-му контролю человека

В том-то и
дело.

Мы приходим, таким образом, к уяснению более узкого значения понятия производства, как сознательного вмешательства человека в действие законов природы с целью обеспечения удовлетворения своих потребностей. В этом смысле производство означает взаимоотношение между человеком и природой, при котором обладание человеком необходимыми ему предметами потребления зависит исключительно от его собственной деятельности. Эта деятельность, однако, есть не что иное, как — труд.

NB

С. 231

Условие, при котором эта деятельность может привести к ис-
комой цели, состоит в том, что устанавливается связь между
затратой человеческой рабочей силы и созданием требуемых
продуктов так, что затрате определенного количества труда
соответствует возникновение определенных количеств всяко-
го рода благ.

Поэтому из самого понятия производства вытекает значение человеческого труда, как источника благ. Вопрос совсем не идет о том, есть ли труд «единственный» фактор производства или нет; понятие производства предполагает лишь, что его результат определяется направлением человеческой деятельности, — хотя бы в создании продукта принимали участие и другие факторы, если только их деятельность определяется волей человека.

«Америка»

С. 232

речь идет только о значении труда с точки зрения субъекта хо-
зяйства, для которого планомерное производство может за-
ключаться лишь в установлении прочной зависимости резуль-
тата производства от направления его личной деятельности.

Да ведь об
этом и у
Маркса
речь идет

С. 233

Но если блага, входящие в состав дохода, являются продук-
тами производства, то с точки зрения субъекта хозяйства
приобретение того или иного блага зависит от способа при-
ложения труда, который служит универсальным средством
производства. Какие бы факторы ни участвовали в производ-
стве благ, в конечном счете для человека их создание опреде-
ляется направлением его собственной деятельности, т. е. за-
тратой его труда.

С. 242

Труд животных и труд машин, труд непосредственно данных естественных сил природы и труд тех ее сил, действие кото-рых обусловлено уже предварительной деятельностью челове-ка — все эти факторы производства должны быть организо-ваны так, чтобы передавать изменение человеческой деятель-

Это все
очень хо-
рошо, ми-
лый чело-

ности в желательной форме результатам производства. Подобно тому, как движение паровоза определяется, с точки зрения машиниста, его личной деятельностью, так как машинист, а не сила пара, *управляет* этим движением, так и для субъекта хозяйства результат производства зависит от направления его деятельности, а ценность произведенных благ определяется его трудом, каковы бы ни были факторы, принимающее участие в производстве. Поставьте на место человека какого-нибудь другого субъекта хозяйства — и производство должно будет приспособляться к последнему, и субъективная ценность результата производства станет в зависимость от деятельности этого нового субъекта хозяйства.

Отсюда ясно, что трудовая теория ценности приобретает значение только в применении к субъективной ценности.

век, но это не критика Маркса.

Субъективная ценность тут ни причем. См. твое собственное рассуждение о готовых продуктах природы. (х) Ценность рассматривалась у Маркса таким образом.

об исключительной *объективной* роли труда в производстве, именно способности создать ценность, которая рассматривалась, как объективный материальный факт внешнего мира (х)

С. 244

Трудовая ценность есть не что иное, как субъективная ценность дохода изолированного хозяйства.

С. 262–263

Вовсе нет

Благодаря неясности понятия общественной ценности у Маркса, его теория приводит к целому ряду противоречий и неясностей. Поставив — в 1-ом томе «Капитала» — эту ценность в тесную связь с меновой ценностью, он принужден был бес-сознательно опереться на представление о каких-то чужодейственных объективных свойствах труда, как источника ценности, и приписать воображаемому функционированию общественного хозяйства, как планомерного целого, и связанному с ним учету общественного труда роль реального регулятора меновых отношений. С другой стороны, отказавшись в 3-ем томе от трудовой теории меновой ценности, т.е. разорвав установленную им связь между общественной и меновой ценностью, он лишил всякого содержания ту общественную ценность, которую он поставил в зависимость от общественных трудовых затрат;

Такие же свойства, как и в твоём изложении. Он и совершает в действительности

Глава VII. Схема распределения у Маркса

С. 267

Какова же в таком случае роль второй группы меновых отношений, обмена продукта на продукт? Согласно трудовой теории меновой ценности, установленной Марксом, при обмене продукта на продукт не всегда происходит обмен равноценностей. Владелец продукта получает в обмен за него столько же общественного труда, сколько содержится в этом продукте.

Этого Маркс не устанавливал

С. 268–269

Таким образом, изложенная схема распределения сводится к тому, что процесс распределения всей суммы произведенных в обществе ценностей совершается в каждой отрасли производства отдельно и независимо от других отраслей производства, и что поэтому капиталисты каждой производительной группы получают «прибавочную ценность», созданную рабочими той же самой производительной группы. Все общество оказывается разделенным на целый ряд общественных групп, *внутри* которых совершается процесс распределения общественного дохода, но которые *между собой* только обменивают один вид продуктов на другой, а не распределяют общественного дохода. Эта схема распределения является непосредственным выводом из трудовой теории меновой ценности, согласно которой продукты обмениваются друг на друга пропорционально сравнительной затрате труда на их производство, благодаря чему становится невозможным изменение, в результате обмена, количества труда или ценностей, приходящегося на каждого члена общества.

Ничего подобного

С. 270

Но мы пойдем еще далее. Схема распределения Маркса, согласно которой отдельные отрасли производства распределяют между собой свои продукты так, что это не сопровождается соответственным распределением ценностей между ними, в сущности очень мало согласуется с правильным представлением о трудовой ценности, и притом именно потому, что эта схема есть лишь иная формулировка трудовой теории меновой ценности.

Если, однако, мы заменим это ошибочное представление тем представлением о трудовой ценности, которое было развито выше, если мы вспомним, что трудовая ценность блага не есть какая-то материальная вещь, связанная сама по себе с этим благом и производимая вместе с ним, а есть лишь результат общественной оценки блага, то неправдоподобие схемы Маркса будет вполне очевидно. С этой точки зрения ясно, что трудовая ценность блага возможна только постольку, поскольку это благо составляет часть общественного дохода, т.е. часть общего результата общественной производительной деятельности.

Да это вообще не схема.

! Поправил!

С. 271

Поэтому благо может приобрести трудовую ценность, так сказать, лишь после того, как оно вышло из мастерской, где было создано, и поступило в распоряжение всего общества, как часть дохода последнего.

Но при таком представлении об общественной ценности уже непосредственно видно, что прямой связи между суммой произведенных данной производительной группой ценностей и суммой, полученной ею в результате распределения, не имеется, так что количественное несоответствие этих величин а priori гораздо, более вероятно, чем их совпадение.

Таково же, по-видимому, было мнение Маркса, когда он в 3-м томе «Капитала» отказался от чистой трудовой теории меновой ценности, а вместе с ней и от изложенной схемы распределения. Та схема, которую он представил нам взамен прежней, гораздо ближе подходит к развитому здесь понятию общественного хозяйства и общественной ценности.

С. 272–273

Нам кажется, однако, что и эта вторая схема не доводит до конца или, по крайней мере, не формулирует достаточно ясно тех выводов, которые можно сделать из двух логических посылок, лежащих в ее основании: признания общественного труда мерилом общественной субъективной ценности

С. 273

Отсюда следует, что «извлечение прибавочной ценности» не есть что-либо независимое от ее распределения, как это изображается во второй схеме Маркса.

С. 274

Реально совершается лишь распределение общественного дохода или скорее ряд отдельных хозяйственных действий, из которых состоит это распределение.

С. 275

не только всякий продавец при выгодной конъюнктуре рыночных цен присваивает себе часть общественной ценно-

Да сравните же «Zur Kritik»

Связь эта устанавливается фактом частной собственности

!

Труд = мерило субъективной ценности. Знаем также и производство, т.е. создание ценностей.

Да ведь сначала надо создать, а потом уже извлекать. Но независимого и тут нет.

Реально совершается также и производство.

х
И это не

сти, находящейся в руках его покупателей, при невыгодной, наоборот, уплачивает ее сам своим покупателям, отдавая им продукт за цену, стоящую ниже трудовой ценности, но и всякий вообще продавец и покупатель всегда борются между собой в распределении общественного дохода и стараются получить в обмен сумму общественной ценности, превышающую отданную ими. И всегда, в результате целого ряда меновых отношений между членами общества, одни из них оказываются в лагере «извлекающих» прибавочную ценность, другие в противоположном лагере «уплачивающих» ее...

С. 278

Так как класс продавцов совпадает с классом капиталистов (в предполагаемой схеме общества, состоящего из одних капиталистов и рабочих), то отказ класса продавцов от прибыли есть вместе с тем отказ класса капиталистов от прибавочной ценности и, следовательно, прекращение «эксплуатации». Потребительные общества рабочих, отнимающие в пользу рабочего класса часть прибыли торговцев и капиталистов тех отраслей производства, которые изготовляют предметы потребления рабочего класса, дают практическое подтверждение этого теоретического расчета.

С. 279

«извлечение прибавочной ценности» понимается не только в смысле безвозмездного приобретения известной доли общественного дохода, но вместе с тем и в смысле отнятия каждым данным капиталистом части продукта труда данных, нанятых им рабочих, что, разумеется, неверно, так как каждый отдельный капиталист может приобретать доход самыми разнообразными путями, а отнюдь не ограничен необходимостью непосредственно «отнимать» его у нескольких нанятых им рабочих. На этом фальшивом представлении о непосредственном извлечении прибавочной ценности каждым отдельным капиталистом из нанимаемых им рабочих основаны и теории эксплуатации рабочих в качестве производителей, и невозможности приобретения (х) прибавочной ценности из обращения.

С. 280

Но почему именно фабрикант должен отдавать часть прибавочной ценности торговцу, почему потребителя этот процесс не должен затрагивать, почему он необходимо должен получить товар по цене, равной трудовой ценности, т.е. как будто бы он получил товар из рук непосредственного производителя — это остается неизвестным по весьма простым соображениям;

так, а может продать вещь ниже ценности и все-таки извлечь прибавочную ценность

Отказ от прибыли есть, конечно, отказ от эксплуатации, но что они (т.е. капиталисты) ели бы? Ничего? Новое «представление». А если что-нибудь, то они ели бы также и прибавочную ценность.

Это не довод. Он извлекает прежде, чем свалить в кучу. Пример: общество бандитов. (х) О приобретении речи не было, говорили о создании.

О «необходимо» нет речи у Маркса. См. I том.

Поэтому гораздо правильнее было бы сказать, что купец привлекает «прибавочную ценность» из потребителей, продавая свой товар по цене, превышающей трудовую ценность. Вернее, однако, оставить это рискованное отождествление отдельных экономических актов с «извлечением прибавочной ценности» совсем в стороне

С. 281

Законы, управляющие порядком распределения дохода между членами общества, не имеют никакого отношения к законам, определяющим общественную субъективную ценность дохода, совпадающую с трудовой ценностью.

Как и Маркс, Рикардо отрицает распределение дохода при продаже товара и признает его только относительно результатов этой продажи

С. 283

сравнительной силой, которою обладают отдельные члены общества в борьбе за распределение, а не каким-то мистическим *deus ex machina*, возвращающим каждому товаропроизводителю непременно такое же количество общественного труда

С. 285

у Маркса имеются две различные теории меновой ценности: одна — для обмена продукта на продукт, когда меновое отношение определяется содержащимся в продуктах общественным рабочим временем, другая — для обмена продукта на труд, или рабочую силу, куда первый закон уже не применим. В противоположность этому, теория, устанавливающая зависимость меновой ценности от распределения экономической силы между членами общества, в равной мере применима к обоим видам обмена: как при обмене продукта на труд, так и при обмене продукта на продукт доля дохода, выпадающая каждому из контрагентов, определяется высотой его экономического или социального могущества.

Глава VIII. Технический и социальный фактор меновой ценности

С. 290

заранее отказывается объяснить все случаи обмена неравноценностей, кроме отношения найма труда или, по терминологии Маркса, покупки рабочей силы

С. 291–292

Второе объяснение, имеющееся у Маркса, шире первого, но зато гораздо менее определено. Оно заключается в указании на монополизацию средств производства в руках одной части общества, как на источник обмена неравноценностей, указании, не составляющем особенности учения Маркса, а обычным для писателей одного с Марксом социально-политического направления и ставшем почти трюизмом. Как ни верно само по себе это указание, оно составляет, в лучшем случае, начало объяснения обмена неравноценно-

Отождествления отдельных актов ни у кого не было.

Ну вот, хороший результат!

И Рикардо не отрицает.

Обратить внимание

Почему?
(х) Да что же это такое эта экономическая сила? Отношение производства. Ну разве Маркс не говорил о ней?

несколько

стей, чем полное объяснение этого явления; мы не узнаем из него, каким именно образом влияет монополизация средств производства, что превращает ее в экономическую силу, и от чего зависит величина этой силы в каждом данном случае. Словом, в системе Маркса это указание остается отрывочным замечанием, которое, хотя и составляет одну из основных мыслей системы, но не развито и не поставлено в тую тесную логическую связь с остальными сторонами его учения, которую мы привыкли встречать у Маркса.

С. 294

Таким образом, коренное различие в положении субъекта хозяйства изолированного и хозяйства менового заключается в том, что удовлетворение потребностей первого определяется его отношениями к природе, второго — не только отношениями к природе, но и отношениями к другим субъектам хозяйств. Это же различие должно отразиться на субъективной ценности благ, входящих в состав того и другого хозяйства: если в изолированном хозяйстве она зависит исключительно от отношения человека к природе, то в хозяйстве меновом она стоит в подобной же зависимости от отношения людей друг к другу.

В чем же заключаются те отношения, которые определяют субъективную ценность благ? Мы видели, что субъективная ценность есть «значение блага, основанное на сознании зависимости удовлетворения потребностей от обладания ими» (Менгер)

С. 295

Если человек относится к природе пассивно, если он ограничивается одним потреблением готовых даров природы, то эта зависимость обнаруживается в наиболее ясной форме: удовлетворение каждой потребности обусловлено присутствием тех или иных объектов потребления, и каждый из них, поэтому, приобретает субъективную ценность, соответствующую интенсивности той потребности, удовлетворение которой находится от него в зависимости. Если человек (или общество) начинает удовлетворять свои потребности путем производства, т.е. затраты деятельности для создания необходимых предметов потребления, то эта зависимость становится косвенной: она превращается в зависимость удовлетворения всяких потребностей от затраты известного количества труда, и субъективная ценность принимает форму трудовой ценности. Таково положение дела с точки зрения изолированного хозяйства, в том случае, когда периодическое потребление опирается на периодическое воспроизводство, стоящее под контролем субъекта хозяйства. В той или иной форме, но в изолированном хозяйстве субъективная ценность всегда остается отражением *зависимости от природы.*

!

Вот так гусь!

Ср. с этим то, что говорится у Маркса в «Sjhnarbeit und Kapital».

(х) Именно это-то определение и приходится изменить в виду воспроизводства благ в хозяйстве.

Капитуляция теории субъективной ценности.

С. 300

вместе с фактически — существующим разделением труда и обменом, то в этом случае трудовая оценка сохранит свою силу для каждого субъекта, так как результат производства всегда *может* быть поставлен в зависимость от деятельности этого субъекта, несмотря на наличие взаимодействия нескольких субъектов хозяйства.

Опять капитуляция.

С. 302

Экономическая власть данного члена общества над остальными, и наоборот, его зависимость от остальных членов общества определяется тем, насколько высока для последних субъективная ценность того блага, приобретение которого зависит от воли данного члена общества, и насколько высока для этого последнего субъективная ценность тех благ, которые находятся в распоряжении его контрагентов.

И опять путаница!

С. 306

Известно, что характерной чертой так называемого «смитианизма» является представление о полной тождественности результата свободного столкновения индивидуальных сил с «естественным состоянием», под которым подразумевалось главным образом состояние полной самостоятельности людей, т.е. отсутствие социальной зависимости. Известно также, что предпосылкой — до известной степени бессознательной — этого представления является гипотеза о полном равенстве сил, благодаря которому столкновение интересов приводит не к порабощению одного интереса другим, а к гармонии интересов. Если принять все это во внимание, то не трудно увидеть, что трудовая теория меновой ценности образует логический вывод из этого мирозерцания и вместе с тем его составную часть. Если свободное соглашение между контрагентами приводит к обмену пропорционально сравнительной затрате труда на производство продуктов, то этим именно достигается то «естественное состояние», в котором человек находился при отсутствии всяких социальных связей

Едва ли не единственное дельное замечание.

С. 310, сноска

Таким образом, закон ценности опирается у Маркса на отвлечение от того, что составляет самую характерную черту современного строя — от анархии производства и ее влияния.

Нет: этот закон осуществляется посредством его постоянного нарушения

С. 311

обмена труда на продукт. В применении к последнему, Маркс категорически отрицает трудовой закон меновой ценности: это отрицание сформулировано в его учении о прибавочной ценности, где указано, что благодаря ряду *социальных* преимуществ на стороне владельца средств производства он одерживает верх в борьбе с наемными рабочими

Неправда. Да когда же Маркс говорил что-нибудь подобное.

зависимость распределения от технических условий производства может обнаруживаться в *чистом* виде только в идеальном случае точного равенства ^(х) взаимной власти и зависимости членов общества

(х) Это точное равенство и предполагается в обществе производителей.

С. 314

Таким образом, положение зависимости рабочего в качестве производителя не характеризует ни *источника* социальной зависимости вообще, ни специфической *формы* зависимости наемного рабочего, а лишь *результат* этой зависимости, рассматриваемый с точки зрения всего общества и общественной оценки дохода.

Неверный вывод из неверной посылки.

С. 315

всякая социальная зависимость есть в конечном счете зависимость *потребителя*: человек, который не нуждался бы в удовлетворении потребностей, или удовлетворение потребностей которого было бы обеспечено, не мог бы быть поставлен в зависимое положение от другого. И какую бы форму зависимости мы не взяли, мы всегда найдем ее основу именно в этой зависимости потребителя (х)

(х) А зависимость раба? Да мы забыли: раб есть потребитель жизни!

В этом отношении положение наемного рабочего не составляет исключения: зависимость, в которой он стоит от предпринимателя, обусловлена тем, что за отсутствием средств производства он не может сам произвести продукты, необходимые для удовлетворения его потребностей, так что это удовлетворение может иметь место только через посредство работы на другого.

Вот оно истинное глупо-бокомыслие. — Вот это и значит эксплуатация производителя, а не потребителя.

С. 316

За исключением чисто-случайного обмена при точном равенстве социальных сил, всякий обмен связан с распределением общественного дохода и с обогащением сильной стороны насчет слабой — обмен между капиталистами не меньше, чем обмен между капиталистом и рабочим.

Да, но капиталисты отдают ценность, созданную чужим трудом.

С. 317

Теоретически это было ошибкой, и благодаря этому трудовая теория меновой ценности не может претендовать на научное значение.

(х) Все это ты говоришь в предположении противоречия между 1 и 3 тт. «Капитала»: противоречия, которого не было.

Глава IX. Теория ценности Тюрго, Отта, Дюринга, Штольцмана и Родбертуса

С. 322

Очевидно, что в основе этой теории лежит та самая мысль, которую мы старались развить в учении о субъективной трудовой ценности дохода в изолированном хозяйстве.

Именно нет. Небогатая мысль, нечего сказать!

С. 324

Это основание может быть найдено, только тогда, когда будет доказано, что субъективная ценность и затрата труда стоят друг к другу в отношении причинной зависимости, и это доказательство лежит, с одной стороны, в учении о соотношении между субъективной ценностью и издержками производства, а с другой, в учении о роли труда в производстве.

Доказательства-то и нет.

С. 328

Когда условия производителей равны, т.е. когда социальные моменты взаимной зависимости уравниваются на обеих сторонах, то меновая ценность определяется под влиянием технического момента, т.е. соответствует сравнительной затрате труда на производство товаров.

Опять ты возвращаешься к Марксу.

С. 332

Учение Отта разделяет, таким образом, судьбу всех трудовых теорий богатства: оно построено на песке.

У Маркса-то ведь нет трудовой теории «богатства»

Заключение: О некоторых задачах теории ценности и распределения

С. 356

что представляют из себя эти открытия, какие начала объяснения образования коллективной и потому объективной — стоящей вне отдельных людей — ценности из индивидуальных субъективных оценок? Если вся эта блестящая часть учения Маркса до сих пор, можно сказать, пропадала даром, то вина в этом лежит не только на последователях Маркса, которые вообще больше удивлялись его учению, чем разрабатывали его; по крайней мере отчасти в этом виновата также невыясненность общего социологического фундамента этих мыслей и своеобразная замена социально-психологического обоснования их чисто формальной диалектической аргументацией.

Они представляют собой приложение идей Фейербаха. (х) Выходка против учеников

С. 357

Не подлежит сомнению, что намеченный Марксом процесс объективизации меновой ценности из меновых отношений между людьми, или — что то же самое — процесс объективизации при образовании коллективных оценок из индивидуальных, есть только частный случай общего закона социально-психологической объективизации представлений и волевых актов. Явления права, этики, общественных верований,

А природа? Фейербаха-то ты и не заметил.

принципов и идей, вообще все явления социальной культуры представляются нам, как нечто существующее объективно, стоящее вне желаний, взглядов и суждений отдельных людей и управляющее последними. И между тем, все эти явления суть только продукт психического взаимодействия отдельных людей и без остатка сводятся на индивидуальные психические элементы, из комбинации которых они возникают.

С. 367, сноски

Можно было бы заметить, что, по мнению Маркса, условия распределения вообще сводятся на условия производства. Дело, однако, в том, что «условия производства» понимаются здесь уже не в смысле техники, а в смысле общественных отношений производства и сводятся, в сущности, на условия *распределения средств производства между членами общества*. В таком значении это учение не только не противоречит вышесказанному здесь взгляду, но вполне с ним совпадает, так как отношения социальной зависимости возникают именно на почве распределения обладания различными благами. Если же говорится о зависимости условий распределения от *техники* производства, как напр[имер], когда трудовая теория меновой ценности предполагает точную зависимость распределения дохода путем меновых отношений между товарами от затраты труда на них, то такое представление, несомненно, в основе своей противоречит общему учению Маркса о социально-исторических условиях всякого общественного хозяйства.

С. 369—370

Если предлагаемый очерк — недостатки которого автор сам хорошо сознает — будет содействовать укреплению трудовой теории ценности в более скромной, зато и более твердой позиции, с высоты которой она может, сохраняя дружественный нейтралитет, спокойно смотреть на рост и развитие других научных теорий, если он будет, вместе с тем, способствовать разрушению ошибочного предубеждения против этих последних, то автор будет считать свою цель достигнутой.

РНБ АДП. А. 1527.

(х) Твой взгляд представляет собой лишь педантическое его размазывание.

Цель !

Указатель имен

Бастиа Фредерик (1806—1850) — французский экономист. Критикуя разного рода социалистические учения, Бастиа стремился доказать, что свободная игра экономических сил в буржуазном обществе ведет к ликвидации противоречий и установлению гармонии в отношениях рабочего и буржуазного классов.

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — русский философ, теолог. В 90-е гг. XIX в. «легальный марксист», затем религиозный философ.

Бернштейн Эдуард (1850—1932) — немецкий социал-демократ, родоначальник ревизионизма. В области политической экономии поддерживал авторов, предлагавших соединить теорию трудовой стоимости и теорию предельной полезности.

Бем-Баверк Эдуард (Ойген) (1851–1914) — австрийский экономист и государственный деятель, представитель «австрийской школы» в политической экономии (субъективно-психологическое направление). Основываясь на признании предельной полезности хозяйственных благ как факторе, определяющем ценность (стоимость) товаров, Бем-Баверк обосновал субъективно-психологическую теорию прибыли.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — русский экономист, философ, теолог. В 90-е гг. XIX в. «легальный марксист». В 1900 г. выпустил двухтомный труд «Капитализм и земледелие», в котором поставил под сомнение действие закона концентрации производства в сельском хозяйстве.

Бэджгот Вальтер (1826–1877) — английский экономист и публицист. В качестве экономиста и политика принадлежал к школе Кобдена и Стюарта Милля. Беджгот опубликовал ряд монографий, в которых предпринял попытку применения теории Дарвина о подборе и наследственности к происхождению политических организаций. Впоследствии ряд статей Беджгота, изданных в журнале «Economist», были переизданы в отдельными книгами.

Визер Фридрих (1851–1926) — австрийский экономист и государственный деятель. Оформил идеи австрийских экономистов как научную школу. Первый употребил термин «предельная полезность».

Вольтер (наст. имя — *Франсуа Мари Аруэ*) (1694–1778) — французский писатель, философ, поэт, публицист, историк и драматург. Представитель Просвещения XVIII в., Вольтер в своих философских и исторических трудах рассматривал исторический процесс как результат деятельности людей, а не как проявление воли бога.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) — немецкий философ, развивший теорию диалектики на объективно-идеалистической основе.

Дюринг Евгений (1833–1921) — немецкий философ, метафизически соединивший в своем мировоззрении материализм, элементы кантианства и позитивизм. Ф.Энгельс в книге «Анти-Дюринг» подверг критике теоретические позиции Дюринга.

Зомбарт Вернер (1863–1941) — немецкий буржуазный экономист, социолог и историк. Представитель «новой исторической школы», примыкал к катедер-социализму. Занимаясь проблемами экономической истории, пытался объяснить развитие буржуазной экономики «духом капитализма». Разрабатывал теорию «организованного капитализма».

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924) — революционер и мыслитель, разработал теорию империализма и социалистической революции. Один из основателей РСДРП, впоследствии переименованной в РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС, один из организаторов СССР.

Мальтус Томас Роберт (1766–1834) — английский экономист, священник. Идеолог обуржуазившейся земельной аристократии и один из основоположников политэкономии в Англии. В труде «Опыт о законе народонаселения» стремился объяснить бедственное положение трудящихся и безработицу «абсолютным избытком людей», действием «естественного закона народонаселения». В работе «Принципы политической экономии» отвергал трудовую теорию стоимости Д. Рикардо, сводя стоимость товара к издержкам производства, рассматривая прибыль как номинальную надбавку к стоимости товара.

Маркс Карл Генрих (1818–1883) — основоположник научного коммунизма и организатор международного рабочего движения. Разработка К.Марксом диалектико-материалистического понимания истории создала методологические предпосылки для экономических, социологических и социально-политических исследований. К.Маркс открыл двойственный характер труда и товара, объяс-

нил на основе закона стоимости механизм капиталистической эксплуатации, показал, как глубинные процессы капиталистической экономики действуют на поверхности буржуазного общества.

Менгер Карл (1840–1921) – австрийский ученый, основоположник теории предельной полезности. Его книга «Основания политической экономии» (1871) стала основным источником идей экономистов «австрийской школы».

Милль Джон Стюарт (1806–1873) – английский экономист, философ и общественный деятель, представитель периода разложения классической политической экономии. Дж. Милль пытался дать развернутое и систематическое освещение основных положений классической школы буржуазной политической экономии в связи с актуальными социально-политическими проблемами и идеями своего времени, когда в полной мере обнаружилось внутреннее противоречие капитализма, и классическая школа уступала место вулгарной политэкономии, стоящей на позициях откровенной апологетики капитализма. Будучи гуманистом, Дж. Милль настаивал на необходимости изменения тяжелых условий жизни трудящихся, подчеркивая раскалывавшее на антагонистические классы неравенство в распределении доходов.

Отт Огюст (1814–?) – французский ученый и публицист, был адвокатом. Его труды: «Hegel et la philosophie allemande» (1844), «Traité d'économie sociale» (1851), «Dictionnaire des sciences politiques et sociales» (1855), «Critique de l'idéalisme et du criticisme» (1883), «Le problème du mal» (1888) и мн. др.

Рикардо Давид (1772–1823) – английский экономист, видный представитель классической буржуазной политической экономии. Впервые сознательно использовал трудовую теорию стоимости в качестве предмета политической экономии и подошел к выявлению общественной формы производства в качестве предмета политической экономии. Учение Рикардо послужило одним из источников научной экономической теории марксизма.

Родбертус-Ягцевоц Иоганн Карл (1805–1875) – немецкий экономист и политический деятель, один из основоположников теории «государственного социализма». Отвергая классовую борьбу, он выступал за решение социальных проблем путем реформ, осуществляемых буржуазным государством. Идеи «государственного социализма» уживались у Родбертуса с проектами укрепления социально-экономического положения Junkerства. Причину присвоения прибавочной стоимости выводит из правовой организации буржуазного общества. Взгляды Родбертуса оказали заметное влияние на развитие буржуазной и мелкобуржуазной концепции социализма.

Смит Адам (1723–1790) – шотландский экономист и философ, представитель классической буржуазной политической экономии. Автор книги «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). В основе его учения лежало представление об экономических законах, действующих подобно законам природы и определяющих собой развитие общества.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – русский экономист, публицист и политический деятель, видный представитель «легального марксизма». С 1905 г. – член ЦК Конституционно-демократической партии. С переходом на позиции либеральной буржуазии стал полностью отрицать теорию марксизма. Принимал активное участие в белогвардейском движении, в 1918–1920 гг. являлся членом «Особого совещания» при генерале Деникине, входил в правительство генерала Врангеля. В 1920 г. эмигрировал из России.

Сэй Жан Батист (1767–1832) – французский экономист, основоположник вулгарной политэкономии. Опираясь на определение стоимости полезностью, создал теорию трех факторов производства, каждый из которых оказывает определенную услугу при создании стоимости. В соответствии с выдвинутым им положением, заработная плата, процент и рента представляются естественным по-

рождением труда, средств производства и земли. Ж.Сэй отрицал сам факт эксплуатации рабочих; как случайное явление трактовал кризисы.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940) – политический деятель, член РСДРП. Участвовал в издании газет «Искра», «Правда» и др. С 1917 г. занимал высшие военные и административные посты в правительстве Советской России. В 1929 г. был выслан из СССР.

Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – русский экономист, философ, историк. В 90-х гг. XIX в. – один из представителей «легального марксизма». Был первым экономистом, выступившим за соединение трудовой теории стоимости с теорией предельной полезности.

Тюрго Анн Робер Жак, барон де л'Он (1727–1781) – французский государственный деятель, философ-просветитель, видный представитель школы физиократов классической буржуазной политической экономии. Сформулировал один из первых вариантов рационалистической теории общественного прогресса. Признавал роль экономических отношений как фактора прогресса.

Фейербах Людвиг (1804–1872) – немецкий философ материалист, атеист. В центре его философии человек, трактуемый как биологическое существо, абстрактный индивид. Основу нравственности усматривал в стремлении человека к счастью, достижимому посредством «религии любви».

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) – русский писатель, философ, экономист, революционер-социалист, идейный вдохновитель революционно-демократического движения в России. Создал оригинальное экономическое учение, ставшее высшим достижением экономической мысли домарксовского периода. Наряду с А.И.Герценом один из родоначальников народничества.

Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ, представитель волюнтаризма. В главном сочинении «Мир как воля и представление» сущность мира предстает у Шопенгауэра как неразумная воля, слепое бесцельное влечение к жизни. Пессимистическая философия Шопенгауэра получила распространение в Европе со 2-й половины XIX в.

Штольцман Рудольф (1852–1930) – немецкий экономист. Представитель социальной школы в политэкономии.